Археологические вести

— 32 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Т. Кашуба (отв. редактор), Ю. Г. Кутимов, В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов, А. В. Фрибус

Издательская группа:

А. В. Гилевич (переводы), Т. С. Дорофеева, В. П. Никоноров (переводы), Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 32** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2021. — 464 с.: ил.

Выпуск 32 журнала «Археологические вести» посвящен юбилеям трех сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН: В. А. Алёшкина, В. И. Распоповой и Л. Б. Кирчо. Тематика большинства опубликованных статей так или иначе связана с историей и археологией Средней Азии разных эпох. В выпуск вошли очерки, посвященные юбилеям, и статьи по древнейшему и античному периодам истории этого региона авторов из России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии. Также представлены традиционные разделы «Новые исследования и открытия», «Обзоры и рецензии» и «История науки».

Издание адресовано археологам, историкам, студентам.

Issue 32 of the journal “Archeological News” is dedicated to the anniversaries of three employees of the Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, IIMK RAS: V. A. Alyokshin, V. I. Raspopova and L. B. Kircho. Most of the published articles are in one way or another related to the history and archeology of Central Asia of different eras. The issue includes essays dedicated to the heroes of the day, and articles on the most ancient and antique periods of the history of this region by authors from Russia, Ukraine, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Great Britain, Germany, Italy, France, Switzerland. Also presented are the traditional sections “New Research and Discoveries”, “Reviews and Reviews” and “History of Science”.

The publication is addressed to archaeologists, historians, students.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — бронзовая печать, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 1815/1405)

First page of cover — Bronze seal from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 1815/1405)

Четвертая страница обложки — серебряная булавка, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 168)

Fourth page of cover — Silver pin from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 168)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

История древнейших седел жесткой конструкции в свете археологических данных из Южного Приаралья¹

В. П. Никоноров, И. А. Аржанцева²

Аннотация. В статье рассматриваются терракотовые статуэтки оседланных коней и фантастических животных, происходящие с археологических памятников Хорезма и его скотоводческой периферии. Среди них выделяется группа фигурок с седлами так называемого рогатого типа, которые хорошо известны по иконографическим источникам и вещественным свидетельствам эпохи Римской империи из Западной Европы. Подчеркивается большая важность изобретения «рогатых» седел для развития военного искусства Древнего мира в эллинистическое и последующее время, а также ставится вопрос об их изобретении в Южном Приаралье.

Annotation. The article deals with terracotta statuettes of saddled horses and fantastic beasts coming from archaeological sites of Chorasmia and its cattle-breeding periphery. Among them, a group of figurines with saddles of the so-called horned type stands out, which are well attested in iconographic and material pieces of evidence of the Roman Imperial era from Western Europe. A great importance of the invention of the “horned” saddles for the development of the art of warfare in the Ancient world during Hellenistic and subsequent times is emphasized, and a question of their invention in the Southern Aral Sea area is raised as well.

Ключевые слова: Южное Приаралье, Кой-Крылган-кала, Сакар-чага 3, ранний эллинизм, катафракты, «рогатые» седла, терракоты.

Keywords: Southern Aral Sea area, Koi-Krylgan-kala, Sakar-chaga 3, early Hellenism, cataphracts, “horned” saddles, terracottas.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-228-254

В 1948 г. вышла в свет монументальная монография «Древний Хорезм», написанная С. П. Толстовым — выдающимся отечественным этнографом

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН: Никоноровым В. П. — по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии»; Аржанцевой И. А. — в рамках плана исследовательских проектов (НИР) Института этнологии и антропологии РАН.

² Никоноров В. П. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vrnikonov@mail.ru. Аржанцева И. А. — Центр восточной и классической археологии ИКВИА ВШЭ, Центр кросс-культурных исследований ИЭА РАН; Ленинский пр., д. 32а, Москва, 119017, Россия; e-mail: arzhanseva@rambler.ru.

и археологом, создателем и многолетним руководителем Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее — ХАЭЭ), одной из крупнейших советских экспедиций, внесшей огромный вклад в изучение далекого прошлого Средней Азии (западной части Центральной Азии). Эта книга на долгие годы не только стала настольной для нескольких поколений советских археологов, но и в наше время остается классикой археологической науки, поскольку в ней опубликованы многочисленные материалы по древней истории Хорезма (области в низовьях Амударьи) и соседних с ним районов Приаралья, добытые ХАЭЭ на раннем этапе ее существования, а также высказаны интересные идеи и сделаны важные наблюдения и выводы. Конечно же, далеко не все из них сохраняют свое значение до сих пор, что, впрочем, абсолютно закономерно ввиду значительного накопления археологических данных

и выработки новых подходов к их анализу за последние 70 с лишним лет. В этой связи уместно процитировать другого выдающегося отечественного исследователя среднеазиатских древностей, Б. А. Литвинского, который в небольшой заметке, опубликованной в 1998 г., рассказал о своем первоначальном, сугубо восторженном, ознакомлении в 1948 г., когда он был еще совсем молодым человеком, с трудом С. П. Толстова «Древний Хорезм» и дал ему такую общую (и, на наш взгляд, совершенно объективную) оценку: «Прошла половина столетия. Интуитивные восторги юности вместе с нею, увы, канули в Лету. Далеко шагнули вперед археологические исследования в Хорезме, Приаралье в целом и во всех регионах Средней Азии, в Индии, Иране, Афганистане, Передней Азии. на иной уровень поднялось изучение письменных источников (в том числе связанных с зороастризмом), нумизматики, мифологии, этнографии. Появились новые подходы в интерпретации явлений культуры. Несравненно более строгой стала процедура исторического исследования, обоснования выводов и заключений, формулирования гипотез, теорий и даже предположений. Мы не связаны теперь марксистскими идеями об общественных формациях и их смене, иначе понимаем отражение социальных структур в материальной культуре и типе поселений. Поэтому было бы некорректным оценивать „Древний Хорезм“ с позиций сегодняшнего дня... И вместе с тем труд С. П. Толстова сыграл исключительно важную роль в истории среднеазиатской археологии. „Древний Хорезм“ был важнейшей вехой: с его появлением среднеазиатская археология окончательно выбирается из заводи краеведения на стремнину главного течения археологии и истории культуры Евразии. „Древний Хорезм“ — памятник и знамение своей эпохи, он вместе с тем ярко запечатлел неумную энергию, огромную эрудицию, прозорливость и замечательный талант выдающегося ученого Сергея Павловича Толстова» (Литвинский, 1998. С. 26–27).

Для темы данной статьи наибольший интерес представляет третий раздел главы IV «Древнего Хорезма» под названием «Конница Кангюя» (Толстов, 1948. С. 211–227), в котором автор рассмотрел раннюю историю катафрактов³ — специфического

вида античной тяжеловооруженной кавалерии, бойцы которой были облачены в доспехи (зачастую вместе со своими конями). Согласно интерпретации С. П. Толстова, катафрактная конница появилась в Хорезме и прилегающих к нему степях, населенных кочевым народом массагетов, вероятно, под ассирийским влиянием уже к VI–V вв. до н. э., причем она делилась на катафрактов-копейщиков и катафрактов-лучников (как и в Ассирии). Позднее, после серьезных поражений, которые понесли массагето-хорезмийские катафракты от первоклассной конницы и пехоты Александра Македонского во время его среднеазиатского похода (329–327 гг.), на передний план в среде массагето-хорезмийского воинства вышли катафракты-лучники, одинаково хорошо вооруженные как для ближнего, так и дальнего боя (Там же. С. 225–227). Результат этой реформы, по словам С. П. Толстова, был следующим: «Сомкнутый строй одетых в тяжелые панцири лучников на бронированных конях оказывается способным противостоять не только иррегулярной коннице, но и македонским копейщикам-катафрактариям, и фаланге, и, как показала дальнейшая история, даже римскому манипулярному легиону. Наступательный порыв тяжелой пехоты парализуется, и боевой порядок ее расстраивается градом стрел еще прежде, чем она достигнет железного строя всадников, но и достигнув его, она оказывается в невыгодном положении, наткнувшись на острия длинных пик и на бронированные груди коней. Так родился тот тип лучника-катафрактария, который сыграл свою роль в битве при Каррах и многократно впоследствии проникал на Запад и Восток, накладывая свой отпечаток на историю позднеантичной и раннесредневековой конницы сасанидского Ирана, Византии, Арабского халифата, Китая» (Там же. С. 227).

научной литературе вместо оригинального греческого слова «катафракты» (κατάφρακτοι). В настоящей статье предпочтение отдано термину «катафракты» (за исключением дословных цитат из работ С. П. Толстова и других исследователей), поскольку оно не только напрямую восходит к оригиналу, но и намного старше и шире понятия «катафрактарии» — под последним в письменных источниках почти исключительно фигурируют подразделения римской тяжеловооруженной конницы III–V вв. н. э., тогда как термин «катафракты» применялся по отношению к панцирной кавалерии разных народов и государств от эллинистического до византийского времени (подробно см.: Nikonov, 1998; Никоноров, 2007; 2008. С. 7–12).

³ С. П. Толстов использовал латинизированный термин «катафрактарии» (cataphractarii/catafractarii), который уже давно утвердился в русскоязычной

Интересно и живо написанный раздел «Конница Кангюя», конечно же, сыграл заметную роль в исследованиях, в том числе и зарубежных (см.: *Rubin*, 1955; *Ghirshman*, 1973. Р. 103, 105), по истории катафрактов. Тем не менее далеко не со всеми доводами и аргументами С. П. Толстова можно согласиться. В первую очередь, следует отметить, что он построил свою гипотезу о вооружении и тактике массагето-хорезмийских катафрактов, главным образом, на анализе реалий, представленных в сцене осады среднеазиатского замка (*кёшка*), которая изображена на знаменитом Аниковском серебряном блюде из собрания Государственного Эрмитажа, посчитав его произведением хорезмийской торевтики VI–VIII вв. (*Толстов*, 1948. С. 215–218, табл. 86; *Орбели*, *Тревер*, 1935. Табл. 20; *Даркевич*, 1976. Табл. 24; *Маршак*, 2017. Рис. 209–211, а). На самом же деле оно было изготовлено, скорее всего, в Семиречье в IX–X вв. по оригиналу VIII в. (*Даркевич*, 1976. С. 28–29, 103; *Маршак*, 2017. С. 333–335; см. также: *Пугаченкова*, 1966. С. 31) и, следовательно, не имеет к Хорезму никакого отношения. С. П. Толстов явно преувеличил роль стрельбы из лука в исполнении парфянских катафрактов в битве при Каррах в 53 г. до н. э., поскольку там чрезвычайно губительный для римлян обстрел вели в основном легковооруженные конные лучники, которые имели практически неограниченные запасы стрел, хранившиеся на верблюдах в тылу парфянских войск. Нет и достаточных оснований предполагать какое-либо влияние Ассирии на процесс формирования тяжеловооруженной конницы у хорезмийцев и массагетов, не говоря уже о том, что некорректно называть всадников-копейщиков в армии Александра Македонского катафрактариями.

Впрочем, перечень разного рода претензий к отдельным положениям рассматриваемой гипотезы можно было бы продолжить⁴, однако нельзя

⁴ В свое время серьезной критике гипотезу С. П. Толстова о хорезмийском происхождении катафрактов подвергла Г. А. Пугаченкова (*Пугаченкова*, 1966). Правда, ее собственная концепция, согласно которой формирование конницы катафрактного типа «могло начаться не в степной среде, а в системе организованных армий тех крупных государств, которые сложились на территории старых оседло-земледельческих культур Бактрии и Парфии» (*Там же*. С. 43), не учитывает то важное обстоятельство, что и Парфянская, и Кушанская империи (а именно их имела в виду Г. А. Пугаченкова) были

не признать, что главная идея С. П. Толстова, а именно важная роль Хорезма и его степных соседей в процессе возникновения конницы катафрактов, продолжает сохранять свое значение и в наши дни, тем более что она нашла блестящее подтверждение в археологических открытиях, сделанных в Приаралье уже после 1948 г., — мы имеем в виду находки на городищах Чирик-рабат в низовьях Сырдарьи, Хумбузтепа и Кой-Крылган-кала в Хорезме, а также в могильнике Сакар-чага 3 в Присарыкамышье, речь о которых пойдет далее.

В свете имеющихся на сегодня письменных, вещественных и изобразительных данных можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что не позднее конца IV — начала III в. до н. э. в составе вооруженных сил среднеазиатских кочевых племен Восточного Закаспия и Приаралья, выступающих в античной письменной традиции под наименованиями массагетов, дахов (даев) и саков, а также тесно связанного с ними в культурном и экономическом отношении оседло-земледельческого населения Хорезма появился качественно новый вид тяжеловооруженной кавалерии — катафракты. Надежно защищенные вместе со своими конями доспехами, они в качестве главного наступательного оружия использовали длинную и тяжелую пику, называемую в греческих источниках *ковтос*, в латинских — *contus*. Кроме того, каждый катафронт имел также меч и лук, но эти предметы вооружения, особенно последний, играли вспомогательную роль. Отряды катафрактов формировались исключительно из представителей племенной знати, тогда как гораздо более многочисленная легковооруженная конница лучников (греч. *ιπποτοξόται*, лат. *equites sagittarii*) набиралась из членов незнатных родов. На полях сражений оба этих рода кавалерии сражались не иначе, как в строгом тактическом взаимодействии друг с другом (*Пазин*, 1955. С. 396–397; *Пугаченкова*, 1966. С. 43; *Rosenfield*, 1967. Р. 124–125; *Хазанов*, 1968. С. 184–185; 2008. С. 162; *Никоноров*, 1994. С. 49, 50; 1995; 2010. С. 47; *Nikonorov*, 1997. Vol. 1, р. 22, 50–51; ср.: *Tarn*, 1930.

созданы в результате покорения Парфии и Бактрии кочевниками — соответственно апарнами-дахами и юэчжами, чьи вооружение и военная организация оказались на момент завоевания на более высоком уровне, чем у местного оседлого населения, ибо в противном случае они потерпели бы неизбежное фиаско.

Р. 72–76, 83–92). Целью этих нововведений было, прежде всего, эффективное противостояние хорошо организованным и обученным пехотным формированиям, с которыми — в лице знаменитой фаланги Александра Македонского — пришлось столкнуться упомянутым выше среднеазиатским народам в 329–327 гг. до н. э. (Пугаченкова, 1966. С. 42–43). Македоняне неоднократно брали над ними верх, что и послужило импульсом для проведения в приаральских землях серьезной военной реформы, как это справедливо отметил С. П. Толстов (см. также: Пугаченкова, 1966. С. 42–43; Вайнберг, 1991. С. 58; 1999. С. 128), хотя его понимание тактического смысла этой реформы отличается от изложенного чуть ранее. Когда в начале второй половины III в. до н. э. входившие в число степных реформаторов апарты из племенной конфедерации дахов двинулись в южном направлении и завоевали Парфию и Гирканию — области на северо-востоке Ирана, ставшие ядром будущей Парфянской империи Аршакидов, — в апартском войске уже наверняка были катафракты-пикейщики, действовавшие в боевой обстановке в тактическом взаимодействии с легкой конницей лучников (Никоноров, 1994. С. 50; 1995. С. 58–59; 2010. С. 47; Nikonorov, 1997. Vol. 1, p. 22–23, 51). В дальнейшем от парфян этот новый вид броненосной кавалерии распространился по всему античному миру⁵.

⁵ О катафрактах как особом роде конных войск античной эпохи см.: Хазанов, 1968; 2008. С. 156–170; Mielczarek, 1993; Nikonorov, 1998. В связи с проблемой происхождения катафрактной кавалерии следует отметить, что определенную тенденцию развития тяжеловооруженной конницы по образцу катафрактов можно видеть и у скифов Северного Причерноморья и Северного Кавказа в VI–IV вв. до н. э., которая наблюдается как по находкам предметов боевого снаряжения в погребениях (Черненко, 1971; 1984а; 1984б), так и по изображениям на памятниках так называемого греко-скифского изобразительного искусства — на знаменитом гребне из кургана Солоха (Алексеев, 2012. С. 130–133, 137) и особенно на пластине из Геремесова кургана (Горелик, 1971; Алексеев, 2012. С. 170–171). Также известны находки защитного и наступательного вооружения катафрактного типа в раннесарматских воинских захоронениях конца V — третьей четверти IV в. до н. э. В могильнике Филипповка 1 в Южном Приуралье (Яблонский, 2013. С. 30–33 *et passim*; 2015), однако, по признанию исследователя этого некрополя Л. Т. Яблонского, реконструируемый на основе добытых там материалов «образ сарматского воина,

Успешному проведению катафрактной реформы в степных районах Средней Азии на рубеже IV и III вв. до н. э. в значительной степени способствовало то обстоятельство, что жившие там номады издревле практиковали бой верхом на коне в защитном снаряжении. Так, Геродот указывает, что массагеты «надевают на грудь коней бронзовые панцири» (τῶν ἵππων τὰ μὲν περὶ τὰ στέρνα χαλκεούς θώρακας περιβάλλουσι) (Hdt. I, 215, 2 (ed. H. B. Rosén)). Согласно же Страбону, массагеты и сами пользуются бронзовыми панцирями (χρῶνται... θώραξι... χαλκαῖς) (Strabo. XI, 8, 6 (hrsg. S. Radt)). При описании битвы при Гавгамелах (331 г. до н. э.) в «Анабасисе Александра» Арриана сообщается, что в одном из столкновений среднеазиатские скифы⁶ смогли нанести серьезный урон македонянам благодаря тому, что сами они и их кони были более тщательно защищены (οἱ Σκύθαι καὶ οἱ ἵπποι αὐτοῖς ἀκριβέστερον εἰς φυλακὴν πεφραγμένοι ἦσαν)⁷ (Arr. *Anab.* III, 13, 4 (ed. A. G. Roos)). В другом месте своего труда

напоминающий облик катафрактария, это образ собирательный» (Яблонский, 2015. С. 221). Само собой разумеется, что развитие боевого оснащения и тактического использования тяжеловооруженной кавалерии среди ираноязычных кочевников Центральной Евразии в V–IV вв. до н. э. не было изолированным явлением, однако появление катафрактной конницы в ее классическом варианте именно в среднеазиатских степях, откуда она через Парфию распространилась затем в западном направлении, представляется на сегодняшний день наиболее вероятной гипотезой.

⁶ Существует точка зрения, что под этими «скифами» следует понимать массагетов или саков (Литвинский, Пьянков, 1966. С. 43, прим. 81); согласно же другому мнению, это были дахи (Вайнберг, 1991. С. 57; 1999. С. 127).

⁷ Какими именно доспехами были защищены эти скифы и их кони, становится понятным из рассказа Курция Руфа о том, как Дарий III готовился к решающей битве с Александром Македонским при Арбелах (Гавгамелах). Сообщив, что по призыву персидского царя в Вавилон прибыли бактрийцы и скифы из Средней Азии (Curt. IV, 9, 2 (a cura di A. Giaccone)), далее наш автор, имея в виду, очевидно, последних (Литвинский, Пьянков, 1966. С. 43), указывает: «Для всадников и коней имелись защитные покровы из соединенных между собой железных пластин» (Equitibus equisque tegumenta erant ex ferries lamminis serie inter se conexis) (Curt. IV, 9, 3). Едва ли в данном пассаже речь идет о персидских доспехах из царских арсеналов, как это предполагал М. В. Горелик (Горелик, 1987. С. 111).

Арриан, повествуя о битве на Яксарте (Сырдарье) в 329 г. до н. э., приводит следующий эпизод: перед форсированием реки македонские солдаты начали стрелять из стрелометных машин по скифским всадникам на противоположном берегу, и один из снарядов пробил и щит, и панцирь вражеского воина, что привело к его падению с коня (εἷς δὲ δὴ διὰ τοῦ γέρρου τε καὶ τοῦ θώρακος διαπλᾶξ πλῆγεῖς πίπτει ἀπὸ τοῦ ἵππου) (*Ibid.* IV, 4, 4). В тексте Арриана этот боец фигурирует как «знатный муж у них (то есть скифов)» (ἀνὴρ ἀγαθὸς αὐτοῖς) — по всей видимости, он был вождем племени или даже союза присырдарьинских племен, противостоявших македонской агрессии.

Появление в Приаралье не позднее рубежа IV и III вв. до н. э. конных латников-катафрактов подтверждается археологическими данными. Вероятно, указанным временем датируются фрагменты железного панцирного доспеха, найденные в так называемом круглом погребальном сооружении, основательно ограбленном еще в древности, на городище Чирик-рабат в низовьях Сырдарьи (*Толстов*, 1961. С. 137–138, рис. 2, а, б; 1962. С. 148, 150, рис. 82, а, б; *Tolstov*, 1961. Р. 79–80, pl. XIIb, А, Б; *Трудновская*, 1963. С. 209–210; *Горелик*, 1987. С. 114, 115, 118–119, рис. 4/4, 5/1; *Вайнберг*, *Левина*, 1992. С. 59, табл. 9, 59, 60; 1993. С. 43, 87, рис. 84, 53, 54) (рис. 1, 1, 2).

Интереснейшее изображение (правда, к сожалению, сохранившееся лишь частично) закованного в доспехи всадника, восседающего на защищенном панцирной попоной коне, было оттиснуто на керамической фляге, обломок которой обнаружен на городище Хумбузтепа в Южном Хорезме: воин облачен в поножи «браслетного» типа и пластинчатый панцирь (или набедренник), по покрою схожий с попоной его коня; оружие, часть которого видна с левой стороны рассматриваемого персонажа, — это пика со втоком (или же, что менее вероятно, меч в ножнах) (*Мамбетуллаев*, 1977; 1984. С. 30, рис. 7, 2; 2003. С. 26–27, рис. 1; *Горелик*, 1982. С. 89, табл. 3, е; 1987. С. 115, рис. 2/5) (рис. 1, 3). Дата этого исключительно важного артефакта надежно вписывается в хронологические рамки, установленные исследователями хорезмийских древностей для парадных (или культовых) керамических фляг с рельефным декором, — это раннекангуйский период, то есть IV–III вв. до н. э. (*Воробьева*, 1959. С. 89, 104–105, 109, 124, 125, 137; 1967а. С. 103, 106–107, 116, 122; 1967б. С. 201, 210; 1981. С. 186; *Рапопорт*, 1977. С. 58; *Ягодин* и

др., 1985. С. 329, 335; *Болелов*, 2004. С. 117). К этому же времени относятся и рельефные изображения всадников (очевидно, охотников) с длинными пиками на фрагментах глиняных сосудов из других хорезмийских городищ — Кой-Крылган-калы (*Воробьева*, 1959. С. 105, рис. 15, 2; 1967б. С. 201, рис. 75, б; *Толстов*, 1962. С. 123, рис. 65, е; *Гаилов*, *Кошеленко*, 2013. С. 292, рис. 3; *Аржанцева*, 2016. С. 150 (рис. слева), 151) (рис. 1, 4), Джанбас-калы (*Толстов*, 1948. С. 202, 219, табл. 82, 1; *Гаилов*, *Кошеленко*, 2013. С. 293, рис. 4) (рис. 1, 5) и Калалыгыра 2 (*Вайнберг*, 1991. С. 33, рис. 8; 2004. С. 227–228, рис. 7/14, 7/15; *Гаилов*, *Кошеленко*, 2013. С. 290–292, рис. 2) (рис. 1, 6а, 6б). Близ городища Беркут-кала была найдена каменная гемма-печать, на которой вырезан движущийся вправо конник, держащий в руке длинную пику с массивным наконечником; эта печать датируется IV в. до н. э. (*Толстов*, 1948. С. 202, табл. 83, 1; *Вайнберг*, 1977. С. 46, табл. XXX, а; *Берзина*, 2010. С. 48–49) (рис. 1, 7а, 7б).

Надо полагать, что подобными пиками, предназначенными как для штурмовой атаки в бою, так и для охоты на крупных диких животных, сражались и катафракты. Скорее всего, исходной моделью этому оружию послужила македонская кавалеристская пика — сарисса (греч. σάρισα/σάρισσα, лат. sarisa/sarissa), достигавшая в длину почти 5 м, которую ввиду отсутствия у кавалеристов Александра Македонского седел жесткой конструкции, обеспечивавших седокам устойчивую посадку на коне, в бою можно было использовать, сжимая только одной рукой, поскольку вторая должна была держать поводья (*Connolly*, 2000. Р. 103–109). Древко пики-контоса было короче и толще; более того, благодаря жестким седлам «рогатого» типа, изобретенным в ходе катафрактной реформы (о них см. далее), его можно было держать обеими руками, что существенно повышало точность и силу удара. По разным оценкам, такая пика имела длину 3,5–4,5 м (*Junkelmann*, 1992. S. 145, 146) и 4 м (*Conyard*, 2013. Р. 560, fig. 11), но в реальности она вряд ли была длиннее 3,5 м (*Никоноров*, 1994. С. 49; *Nikonov*, 1997. Vol. 2, р. 24). Для сравнения: у причерноморских скифов в IV в. до н. э. некоторые копыя достигали 3,0–3,2 м в длину (*Черненко*, 1984б); такого же размера, были, наверное, и более поздние сарматские пики (*Симоненко*, 2015. С. 93).

Необходимым предметом вооружения катафрактов являлся длинный двулезвийный меч, предназначенный для рубки как с конным, так

и с пешим противником. В Средней Азии мечи длиной около метра, выкованные из железа, получают распространение начиная с V в. до н. э., причем они, как правило, встречаются в погребениях представителей элитного («дружинного») воинства в сочетании с железными кинжалами, насущно необходимыми в рукопашной схватке (Вайнберг, 1991. С. 56–61; 1999. С. 126–130).

В то же время следует подчеркнуть, что вышеперечисленные особенности комплекса боевого снаряжения катафрактов должны быть дополнены еще одним исключительно важным элементом, на который исследователи обычно не обращают внимания, — седлом. Произошедшее значительное утяжеление доспехов как всадника-пикейщика, так и его коня серьезно осложнило первому задачу поддерживать баланс, находясь верхом (Littauer, 1981. Р. 103). Теперь, чтобы обеспечить облаченному в латы наезднику удобную и устойчивую посадку на коне в боевой обстановке, седло обязательно должно было быть снабжено спереди и сзади достаточно высокими выступами-упорами, предназначенными для удерживания седока от падения с коня на землю (в результате которого он мог оказаться беспомощным из-за тяжести своих доспехов), особенно в момент сильной отдачи при нанесении им удара пикой неприятелю на большой скорости движения. Само собой разумеется, такое седло должно было быть жестким, то есть с деревянным каркасом. Мягкие седла IV–III вв. до н. э., хорошо известные по вещественным находкам из курганных погребений пазырыкской культуры на Алтае (см. их современные реконструкции: Ахметжан, Ахметжанова, 2013; Степанова, 2016; Stepanova, 2016; Loades, 2020. Р. 265–266), обеспечить броненосным всадникам сколько-нибудь надежную посадку, естественно, не могли, да это и не являлось их функцией по причине отсутствия таковых среди пазырыкских воинов в принципе⁸. Впрочем, седла пазырыкского типа, в конструкции которых имелись отдельные элементы, изготовленные из дерева, вполне могли стать первым шагом на пути к созданию жестких седел (Herrmann, 1989. Р. 764–765; Hyland, 1990. Р. 132–133).

Таким образом, процесс формирования тяжелооруженной кавалерии катафрактов предпо-

лагал одновременное создание седла качественно нового вида — с твердым, возвышающимся над спиной коня каркасом. С. П. Толстов, анализируя терракотовую статуэтку оседланного коня, найденную на городище Базар-кала в Правобережном Хорезме, резонно заметил: «Высокое тяжелое седло на спине коня не оставляет сомнения в том, что оно было рассчитано на катафрактария»⁹ (Толстов, 1948. С. 219, табл. 81, 9) (рис. 1, 9). Похожие глиняные фигурки коней под седлом происходят из античных слоев городищ Замахшар в Левобережном Хорезме (Voyevodsky, 1938. Р. 242, fig. 11) (рис. 1, 8) и «Большой дом» Алтынаса в низовьях Сырдарьи (Левина, 1966. С. 65, рис. 5, 1; 1992. С. 71, табл. 23, 52; 25, 8; 1996. С. 200, рис. 95, 4) (рис. 1, 10). Датировать эти три статуэтки, по-видимому, следует в пределах первых веков нашей эры, тогда как образцами седел на них, вероятнее всего, послужили реальные твердые седла с высокими луками, вещественные находки которых, кстати, происходят из городищ и некрополей джетыясарской культуры в Восточном Приаралье. Часть этих находок представляет собой деревянные основы седел. Вот как их кратко описывает Л. М. Левина, на протяжении многих лет руководившая раскопками джетыясарских памятников: «В нескольких курганах могильника Алтынасар 4м обнаружены различной степени сохранности деревянные седла, положенные в перевернутом виде в ногах захороненного... Эти деревянные седла крыловидной формы, с высокой передней лукой, состояли из двух половинок, скрепленных на задней части планкой. В погребениях курганов №№ 260, 261 на поверхности седел зафиксированы остатки кожаной обтяжки седла со следами красной краски... в кургане № 261, на деревянном седле, под железными удилами и деревянными двудырчатыми псалиями найдены обрывки кожаного ремня, орнаментированного двумя продольными рядами мелкого бронзового бисера, и крупная костяная подпружная пряжка» (Левина, 1994. С. 67, 68, рис. 144, 1, 2, 8; 1996. С. 200, 201, рис. 95, 8, 9) (рис. 2, 1, 2)¹⁰.

⁹ Ср.: «Рослые боевые кони, имеющие массивные седла (курсив наш. — В. Н., И. А.), несомненно, рассчитаны на тяжелооруженного всадника и неразрывно связаны со всем комплексом вооружения катафрактария» (Десятчиков, 1972. С. 76).

¹⁰ Деревянное седло было найдено в разрушенном грабителями подкурганном катакомбном погребении

⁸ Судя по результатам многолетних археологических исследований на Алтае, металлическое защитное снаряжение вообще не получило применения у носителей пазырыкской культуры (Шульга, 2007. С. 154).

Другие интересующие нас находки включают в себя, согласно наблюдениям Л. М. Левиной, «части седел, изготовленные из костей крупных животных и, возможно, составлявшие внутреннюю основу передней луки седла», причем некоторые из них «снабжены парными отверстиями. Вероятно, речь идет о каком-либо раннем варианте твердого седла, возможно, промежуточного, переходного типа от мягкого к твердому деревянному», а происхождение этих находок может быть связано «с первым проникновением хуннов в Восточное Приаралье (I в. до н. э.)» (Левина, 1992. С. 69, табл. 23, 58, 59, 67; 1994. С. 67, рис. 144, 3; 1996. С. 200–201, рис. 95, 1–3, 5–7) (рис. 2, 3–8). В принципе, такая интерпретация рассматриваемых костяных артефактов кажется возможной, правда, с той поправкой, что являясь конструктивными элементами жестких седел иноземного (скорее всего, хуннского) происхождения, они были сделаны с учетом не вполне понятной локальной специфики — не из дерева, а из кости. Также не исключено, что в могилы вместо настоящих седел с деревянной основой иногда клали имитации передних луки, выточенные из кости.

Впрочем, вопрос об упомянутых выше джетысарских седлах требует более тщательной проработки (в первую очередь, анализа их вещественных находок), что, надеемся, удастся сделать не в столь отдаленном будущем. К тому же эти седла были изобретены уже после возникновения катафрактной кавалерии и в совершенно иной

воинской среде. Поэтому далее мы сосредоточим свое внимание на седлах другого, более древнего, типа, которые изображены на произведениях мелкой терракотовой пластики, обнаруженных в ходе археологических исследований на городище Кой-Крылган-кала в Правобережном Хорезме и на могильнике Сакар-чага 3 в Присарыкамышской дельте Амударьи.

В 1951–1957 гг. одна из крупнейших стационарных экспедиций в истории ХАЭЭ вела раскопки на городище Кой-Крылган-кала («Крепость пропавших баранов»), расположенном на землях древнего орошения Хорезма, в 22 км к северо-востоку от г. Турткуля (Каракалпакстан). Это — единственный из крупных хорезмийских памятников, исследованный практически целиком. В его жизни выделяются два периода: IV–III вв. до н. э. (нижний горизонт) и I–IV вв. н. э. (верхний горизонт). В период нижнего горизонта Кой-Крылган-кала была культовым сооружением — укрепленным храмом-мавзолеем, где производились астрономические наблюдения; внутри укреплений вокруг центрального культового здания располагались хозяйственные и жилые постройки, вероятно, служителей культа. В поздний период, после продолжительного запустения, руины нижнего горизонта были перестроены новыми жителями под бытовые объекты (Аржанцева, 2016. С. 124–153).

Среди терракотовых статуэток животных, принадлежащих к культурным напластованиям нижнего горизонта Кой-Крылган-калы, выделяются изображения коней, связанные, скорее всего, с почитанием солнца. По свидетельству М. Г. Воробьевой, автора публикации терракот в пятом томе трудов ХАЭЭ, полностью посвященном

IV в. н. э. Мангырского могильника в Присарыкамышской дельте Амударьи (раскопки Х. Ю. Юсупова), но его конструктивные особенности неизвестны (Вайнберг, 1991. С. 70; 1992. С. 121; 1999. С. 168–169).

Рис. 1. Артефакты из античных городищ Хорезма и низовьев Сырдарьи: 1, 2 — фрагменты железных доспехов из Чирик-рабата (Толстов, 1961. Рис. 12, а, б); 3, 4, 6 — фрагменты керамических флагов: 3 — из Хумбузтепа (Мамбетуллаев, 1977. Рис. 1); 4 — из Кой-Крылган-калы, находка 1951 г. (Воробьева, 1967б. Рис. 75, 6); 6а, 6б — из Калалы-гыра 2, фото и прорисовка (Вайнберг, 2004. Рис. 7/14, 7/15); 5 — фрагмент керамического сосуда из Джанбас-калы (Толстов, 1948. Табл. 82, 1); 7а, 7б — каменная печать из окрестностей Беркут-калы и ее оттиск (Берзина, 2010. С. 49); 8, 9 — терракоты: 8 — из Замахшара (Voyevodsky, 1938. Fig. 11); 9 — из Базар-калы (Толстов, 1948. Табл. 81, 9); 10 — глиняная статуэтка из «Большого дома» Алтыназара (Левина, 1996. Рис. 95, 4). 3–10 — без масштаба

Fig. 1. Artifacts from Antique-era settlements of Chorasmia and the Syr Darya lower reaches: 1, 2 — fragments of iron armour from Chirik-rabat (Толстов, 1961. Рис. 12, а, б); 3, 4, 6 — fragments of ceramic flasks: 3 — from Khumbuztepa (Мамбетуллаев, 1977. Рис. 1); 4 — from Koi-Krylgan-kala, found in 1951 (Воробьева, 1967б. Рис. 75, 6); 6а, 6б — from Kalaly-gyr 2, photo and drawing (Вайнберг, 2004. Рис. 7/14, 7/15); 5 — fragment of a ceramic vessel from Dzhambas-kala (Толстов, 1948. Табл. 82, 1); 7а, 7б — stone seal from the vicinity of Berkut-kala and its imprint (Берзина, 2010. С. 49); 8, 9 — terracottas: 8 — from Zamakhshar (Voyevodsky, 1938. Fig. 11); 9 — from Bazar-kala (Толстов, 1948. Табл. 81, 9); 10 — clay figurine from the «Big House» of Altynasar (Левина, 1996. Рис. 95, 4). 3–10 — not to scale

результатам раскопок Кой-Крылган-калы, на четырех лошадиных фигурках (№ 64–67 по ее порядковой нумерации = инв. № 54/9222, 55/89, 55/351, 57/68) были наклеплены седла. Далее она пишет: «По двум лучше сохранившимся видно, что это — тяжелые жесткие седла с двумя высокими луками (табл. XXXI, 65). Впервые появляется изображение упряжи в виде наклепных жгутиков (табл. XXXI, 67) и трактовка подстриженной конской гривы в виде гребешка, разделенного насечками на отдельные зубцы (№ 65). Одна из фигурок (табл. XXXI, 64) оказалась покрытой светлым серовато-беловатым ангобом; сделана она грубее остальных... в общем облике фигурок лошадей наблюдается большая схематизация и небрежность выполнения. Особенно хорошо это видно по терракоте № 65. Упряжь... прочерчена до обжига, но она сильно схематизирована и дана в общих чертах: показаны незакрепленные на голове и у седла ремни уздечки, украшающая седло бахрама прочерчена небрежно и не везде на месте. Поверхность фигурки покрыта неровно положенным жидким красно-коричневым ангобом, сквозь который пятнами просвечивает светлая подгрунтовка... на одной статуэтке сохранились, как будто, остатки фигурки всадника (табл. XXXI, 67), однако фрагмент его так мал, что не поддается определению» (Воробьева, 1967б. С. 191, 199, табл. XXXI, 64, 65, 67).

К сожалению, процитированный выше пассаж из работы М. Г. Воробьевой не сопровождается сколько-нибудь качественными фотографиями или прорисовками описанных ею терракот (более того, вообще не воспроизведена терракота № 66). Но одному из соавторов настоящей статьи во время подготовки к печати книги об истории исследований Хорезма по материалам архива ХАЭЭ (Аржанцева, 2016) удалось найти в кабинете-музее С. П. Толстова в Институте этнологии и антропологии РАН конскую статуэтку, которая фигурирует в каталоге М. Г. Воробьевой под № 65 (инв. № 55/89). По степени своей сохранности

она явно лучшая среди всех остальных терракотовых скульптурок лошадей из Кой-Крылган-калы — отбиты только ее задние ноги. Из полевой документации известно, что она была обнаружена в 1955 г. в помещении С31 (рис. 3, 1а, 1б; 4, 1). Неудачный ракурс фотографии этой терракоты в публикации М. Г. Воробьевой (рис. 3, 1а) на протяжении многих последующих лет (почти полувека!) не позволял правильно определить тип изображенного на ней седла. Теперь же, благодаря ее более удачному фотовоспроизведению (Аржанцева, 2016. Цв. ил. (47)) (рис. 3, 1б), а также прорисовке, сделанной в условиях полевого сезона 1955 г. (рис. 4, 1), стало совершенно очевидно, что оно, во-первых, относится к так называемому рогатому типу (подробно о седлах этого типа см. далее) и, во-вторых, судя по дате археологического контекста, из которого происходит рассматриваемая статуэтка (IV–III вв. до н. э.), является на сегодняшний день древнейшим изображением такого седла вообще.

Еще одна лошадиная фигурка с наклепным «рогатым» седлом, покрытая красным ангобом и в очень плохой степени сохранности (утрачены голова и ноги), была обнаружена в 1953 г. на такыре возле развалин Кой-Крылган-калы (инв. № 53/185) (рис. 3, 2а, 2б; 4, 2, 3) и также хранится в кабинете-музее С. П. Толстова. Примечательно, что она никак не упоминается в публикации терракот с этого памятника М. Г. Воробьевой.

Возможно, с Кой-Крылган-калы происходит еще один фрагмент статуэтки лошади с седлом «рогатого» типа (инв. № 55/347), который М. Г. Воробьева считала изображением верблюда «с отбитой головой и обколотыми крайне примитивно выполненными двумя горбами» (Воробьева, 1967б. С. 179, 195, табл. XXVI, 14). Однако для стопроцентного утверждения, что это именно конь под седлом, все же нет достаточных оснований.

Интересующие нас изображения седел представлены и в материалах из могильника Сакар-чага 3 в Присарыкамышской дельте

Рис. 2. Деревянные каркасы (1, 2) и костяные луки (3–8) седел с памятников джетыясарской культуры (Восточное Приаралье): 1, 2 — из курганов № 261 и 260 могильника Алтынасар 4м (Левина, 1996. Рис. 95, 8, 9); 3, 5–7 — с городища Томпакасар (Там же. 1996. Рис. 95, 1, 3, 5, 6); 4 — из кургана № 104 могильника Алтынасар 4в (Там же. Рис. 95, 2); 8 — с городища «Большой дом» Алтынасар (Там же. Рис. 95, 7). Масштаб: а — для 1, 2; б — для 3–8

Fig. 2. Wooden frameworks (1, 2) and bone arches (3–8) of saddles from sites of the Dzhetysay culture (Eastern Aral Sea area): 1, 2 — from Barrows nos. 261 and 260 of the Altynasar 4m burial ground (Левина, 1996. Рис. 95, 8, 9); 3, 5–7 — from the settlement of Tompakasar (Ibid. Рис. 95, 1, 3, 5, 6); 4 — from Barrow no. 104 of the Altynasar 4v burial ground (Ibid. Рис. 95, 2); 8 — from the settlement of the “Big House” of Altynasar (Ibid. Рис. 95, 7). Scale: a — for 1, 2; б — for 3–8

Рис. 3. Терракотовые фигурки оседланных коней (1а–2б) и фантастического животного (3а, 3б) из античных памятников Южного Приаралья (фото: 1а — Воробьева, 1967б. Табл. XXXI, 65; 1б — М. Б. Лейбова; 2а–3б — И. А. Аржанцевой): 1а, 1б — из Кой-Крылган-калы, находка 1955 г.; 2а, 2б — из Кой-Крылган-калы, находка 1953 г.; 3а, 3б — из кургана 15 могильника Сакар-чага 3. 2а — без масштаба

Fig. 3. Terracotta figurines of saddled horses (1а–2б) and a fantastic beast (3а, 3б) from Antique-era sites of the Southern Aral Sea area (photos: 1а — Воробьева, 1967б. Табл. XXXI, 65; 1б — by М. B. Leibov; 2а–3б — by I. A. Arzhantseva): 1а, 1б — from Koi-Krylgan-kala, found in 1955; 2а, 2б — from Koi-Krylgan-kala, found in 1953; 3а, 3б — from Barrow 15 of the Sakar-chaga 3 burial ground. 2а — not to scale

Амударьи, работы на котором в 1980-е гг. возглавлял Л. Т. Яблонский. Там, в насыпи кургана 15, сооруженного еще в раннесакскую эпоху (конец VIII — VII в. до н. э.), были найдены две террактовые фигурки, передающие образы оседланных фантастических существ; исходя из условий их обнаружения удалось установить, что они были связаны с группой оссуарных погребений, датируемых в пределах I в. до н. э. — II/III в. н. э. (Яблонский, 1999. С. 61, 71–72, рис. 83, 1, 2) (рис. 3, 3а, 3б; 4, 4–6). Руководитель раскопок так описывает эти артефакты: «Поблизости от восточного конца внутреннего рва кургана, в толще насыпи были найдены две терракотовые фигурки, установленные рядом... Обе сохранились не полностью. Они были сделаны из хорошо отмученной глины и обожжены в горне, отчего снаружи и в изломе имели кирпично-красный цвет. Каждая фигурка представляла собой скульптурное изображение фантастического животного. Первая (рис. 83, 1) (наш рис. 4, б. — В. Н., И. А.) изображала двуглавого коня с ногами, напоминающими слоновьи. На спине животного сохранились остатки рельефного изображения седла, имеющего четыре конусообразных выступа по углам. По поверхности корпуса было процарапано по сырой глине изображение уздечки и попоны. Сохранились также следы от четырех наклепов дисковидной формы — возможно, схематичное изображение фаларов. Ноздри и глаза конских голов были выполнены точечными вдавлениями по сырой глине. Гривы показаны рельефными наклепами. Вторая фигурка (рис. 83, 2) (наш рис. 3, 3а, 3б; 4, 4, 5. — В. Н., И. А.) по стилю и технике исполнения напоминает первую. Она сохранилась хуже — из-за сильного расслоения глины утрачена передняя часть корпуса с головой. На спине, как и в предыдущем случае, сохранилось рельефное изображение седла, по конструкции аналогичного вышеописанному. Отличие второй фигурки состоит прежде всего в том, что нижние части конечностей изображенного в данном случае животного оформлены в виде лапы хищника кошачьей породы (льва?)» (Яблонский, 1999. С. 61, рис. 83, 1, 2). Важно подчеркнуть, что Л. Т. Яблонский в своем описании этих уникальных для приаральской коропластики статуэток обратил внимание на необычную конструкцию их седел, снабженных по углам четырьмя конусообразными выступами-упорами.

Таким образом, седла на вышеупомянутых терракотовых фигурках из Кой-Крылган-калы и Сакар-чаги 3, вне всякого сомнения, принадлежат к «рогатому» типу. Впервые «рогатые» седла были

выделены в особый тип Питером Коннолли — известным британским экспертом в области военного дела древней Греции и Рима. Начиная с 1984 г., не удовлетворившись общераспространенным тогда мнением, что в римской древности вообще не было настоящих седел, он осуществил собственное всестороннее и тщательное исследование, рассмотрев все доступные ему виды источников — воспроизведения «рогатых» седел на памятниках римского искусства эпохи ранней Империи (рис. 5, 1–5)¹¹ и все основные вещественные свидетельства, найденные на месте римских укреплений I–II вв. н. э. в Англии, Шотландии, Германии и Нидерландах: фрагменты кожаных чехлов седел, на которых выявлены четкие следы напряжения, загибов и износа, указывающие, вне всякого сомнения, на то, что они были натянуты на жесткий (деревянный) каркас (рис. 5, б), а также металлические накладки-усилители на седельные упоры-«рога» (рис. 5, 7–10). Особо заслуживает внимания тот факт, что П. Коннолли провел серьезную экспериментально-реконструкторскую работу и изготовил больше 20 реплик кельто-римских «рогатых» седел I–II вв. н. э., дающих наглядное представление об их конструкции и внешнем виде (рис. 5, 14–16).

Согласно выводам П. Коннолли, конструкция таких седел была обязательно жесткой — их основой служил обтянутый кожей деревянный каркас с мягкой набивкой, а к его углам были прикреплены четыре упора-«рога», при этом два передних монтировались под углом к каркасу, а два задних — вертикально. «Рога» были усилены бронзовыми или медными накладками. Благодаря седлу с четырьмя «рогами», плотно охватывавшими расположившегося в седле всадника, кавалеристы как в доспехах, так и в легком снаряжении могли очень эффективно сражаться своим наступательным оружием (пикой, длинным мечом, луком). По сути «рогатые» седла вполне компенсировали конным воинам античной эпохи отсутствие стремян, время которых еще не пришло¹². Помимо надежной и удобной посадки наездника верхом в боевых условиях, седла рассматриваемого типа также обеспечивали

¹¹ Достаточно полную сводку изображений кельтских и римских «рогатых» седел см. в следующих публикациях: Bishop, 1988. Fig. 1, 2, 5–8, 10–14, 16, 17, 19–21; Junkelmann, 1992. Abb. 31–36, 38, 46, 47, 76, 77, 81, 83, 84, 117, 150, 163, 165.

¹² Боевые парные стремяна были изобретены в Северо-Восточной Азии не раньше IV–V вв. н. э. (см.: Никоноров, 2002а. С. 294–295; 2003; 2016; Nikonorov, 2010. P. 272–273).

перераспределение веса всадника с позвоночника лошади на ее бока, то есть значительно уменьшали травматические последствия давления на ее хребет. Само седло крепилось к телу скакуна при помощи подпружного, подхвостного и нагрудного ремней, не позволявших ему скользить по спине животного (Connolly, 1986; 1987; 1988a; 1988b; 1990; 1998. P. 235, 236; Connolly, Driel-Murray, 1991; Driel-Murray et al., 2004; см. также: Bishop, 1988; 2015. P. 381; Bishop, Coulston, 2006. P. 123; Hyland, 1990. P. 130–136; 1993. P. 45–51; 2013. P. 507–509; Dixon, Southern, 1997. P. 70–74; Feugère, 2002. P. 136; Stephenson, Dixon, 2003. P. 107–108; Gawroński, 2005; Winterbottom, 2006; Conyard, 2013. P. 551–556; ср.: Gresak et al., 2018).

Отметим, что до сих пор ведутся споры о конструкции римских «рогатых» седел: вышеприведенному мнению П. Коннолли и его единомышленников противостоит точка зрения, что эти седла вовсе не имели жесткого каркаса (Амброз, 1992. С. 36; Peterson, 1990; Junkelmann, 1992. S. 41, 44, 47, 48, 57, 60, 62, 63, 66, 68–70, 72, 74; Grotowski, 2010. P. 383; Степанова, 2015. С. 408–409; Stepanova, 2020. P. 574–575). В рамках данной статьи нет возможности сколько-нибудь детально осветить эту дискуссию, поэтому ограничимся лишь констатацией, что позиция первой группы исследователей выглядит более убедительной, причем не только из-за находок седельных кожаных облицовок и металлических накладок-усилителей на «рога», которые, казалось бы, не должны трактоваться иначе как неотъемлемые элементы седел жесткой конструкции (см. ранее). Дело в том, что один из основных упреков оппонентов в адрес П. Коннолли и его сторонников заключается в том, что твердость каркасов римских «рогатых» седел не подтверждается находками каких-либо их деревянных деталей, в том числе деревянной основы «рогов» (см., например: Степанова, 2015. С. 408; Stepanova, 2020. P. 574; ср.: Gresak et al., 2018. P. 211–212). И до недавнего времени это было действительно так. Но в 2018 г. при раскопках конюшни богатой

загородной виллы вблизи Помпей, оказавшейся, как и сам город, погребенной под многометровой толщей пепла в результате извержения Везувия 24 августа (или 24 октября) 79 г. н. э., была найдена погибшая в тот день лошадь, на спине которой *in situ* уцелели четыре «рога» седла с сохранившейся деревянной основой, вставленной в бронзовые оболочки-усилители (Любимова, 2019) (рис. 5, 11, 12). Также очень важным событием стало обнаружение в ходе археологических работ 1998–2001 гг. в Карлайле (Северо-Западная Англия) передней части («луки») каркаса седла, изготовленной из дуба (Winterbottom, 2006. P. 9, fig. 6; Howard-Davis, 2009. P. 814, fig. 491; Gresak et al., 2018. P. 207–211, fig. 1; Conyard, 2013. P. 553) (рис. 5, 13a, 13b), которая довольно точно датируется периодом с 72/73 по 83/84 г. н. э. и, главное, подтверждает правоту реконструкции П. Коннолли (рис. 5, 14). Таким образом, в свете поистине сенсационных открытий в Помпеях и Карлайле его вывод о жесткой (деревянной) конструкции римских «рогатых» седел больше не должен вызывать серьезных сомнений.

Следует особо подчеркнуть, что П. Коннолли своими исследованиями самым серьезным образом стимулировал рост интереса к истории древнеримских седел, в том числе и со стороны профессионально подготовленных реконструкторов (Peterson, 1990; Junkelmann, 1992. S. 34–74, etc.; Conyard, 2013. P. 553–558). Более того, основываясь на его разработках и наблюдениях, Джорджина Херрманн, крупный британский специалист по археологии и искусству древнего Ирана и Месопотамии, выявила целый ряд изображений седел «рогатого» типа на произведениях иранского и сирийского искусства позднепарфянского и раннесасанидского времени (I–IV вв. н. э.) (Herrmann, 1989. P. 763–769, fig. 7, b–e, pl. III, a; V–VII; XII–XV) (рис. 6, 1, 2, 8, 12, 14).

На сегодняшний день перечень памятников искусства с изображениями «рогатых» седел, происходящих из Центральной Евразии и датируемых в пределах I в. до н. э. — III в. н. э., может быть

Рис. 4. Терракотовые фигурки оседланных коней (1–3) и фантастических животных (4–6) из античных памятников Южного Приаралья (прорисовки: 1, 2 — полевые, 3, 4 — М. А. Токманцевой, 5, 6 — Яблонский, 1999. Рис. 83, 2; 83, 1): 1 — из Кой-Крылган-калы (см. рис. 3, 1a, 1б); 2, 3 — из Кой-Крылган-калы (см. рис. 3, 2a, 2б); 4, 5 — из кургана 15 могильника Сакар-чага 3 (см. рис. 3, 3a, 3б); 6 — из кургана 15 могильника Сакар-чага 3

Fig. 4. Terracotta figurines of saddled horses (1–3) and fantastic beasts (4–6) from Antique-era sites of the Southern Aral Sea area (drawings: 1, 2 — made in field, 3, 4 — by M. A. Tokmantseva, 5, 6 — Яблонский, 1999. Рис. 83, 2; 83, 1): 1 — from Koi-Krylgan-kala (see fig. 3, 1a, 1b); 2, 3 — from Koi-Krylgan-kala (see fig. 3, 2a, 2b); 4, 5 — from Barrow 15 of the Sakar-chaga 3 burial ground (see fig. 3, 3a, 3b); 6 — from Barrow 15 of the Sakar-chaga 3 burial ground

значительно расширен за счет тех, которые по тем или иным причинам оказались вне списка Дж. Хермманн. Кратко перечислим эти изображения:

— конь на реверсе монет Квинта Лабиена, римского полководца на парфянской службе в 40–39 гг. до н. э. (*Metzler*, 1978; *Meцлер*, 2002. С. 108–109, ил. 2; 3; *Hersh*, 1980; *Gawroński*, 2005. Р. 32, п. 9; 37, fig. 3) (рис. 6, 3);

— лошади на серебряном сосуде из сарматского погребения в Косике (*Трейстер*, 1994. С. 190–191, рис. 7, 9, 11; *Treister*, 1997. Р. 49–74, fig. 24, 28, 30–32; 2005. Р. 223–245; *Галль*, 1997. С. 175–179, рис. 2, 12; *Gall*, 1998. S. 243–252, abb. 1, 2; 2, 2, 3; 3) (рис. 6, 4, 5);

— конь на граффити из «Здания с квадратным залом» на городище Старая Ниса в Северной Парфии (*Пилипко*, 1996. С. 69, табл. 45, 1; 46, А; *Никоноров*, 2002б. С. 22, рис. 1, 1; 2002в. С. 97, рис. 1) (рис. 6, 6);

— терракотовая статуэтка лошади из Бахрейна (*Lombard*, 2000. Р. 192, cat. no. 341; *Ломбар*, *Боксмати-Фатух*, 2012а. С. 8; 2012б. С. 17) (рис. 6, 7);

— конь со спешившимся всадником на фрагменте шерстяной ткани из кургана 31 хуннского

могильника Ноин-Ула (*Полосьмак*, 2010. С. 52–53, 55; 2013. С. 357–358, рис. 1; *Полосьмак*, *Богданов*, 2015. С. 99–100, рис. 4.4, 4.12, 4.13, 4.25; 2016. С. 142–145, 150, 152, 153; *Polos'mak*, 2015. Р. 22–23, fig. 26, 27, 35, 36) (рис. 6, 9)¹³;

¹³ Н. В. Полосьмак справедливо отметила сходство доспеха этого воина с защитным снаряжением всадников на монетах правителей I в. до н. э. так называемого Индо-Сакского (или Индо-Скифского) царства в долине Инда и Пенджабе (*Rosenfield*, 1967. Р. 124–125, fig. 15; *Горелик*, 1982. С. 85–86, табл. 2, а–в; 1987. С. 115, рис. 2/6; *Bopearachchi*, 2003; *Bopearachchi*, *Sachs*, 2003; *Fröhlich*, 2005. Р. 62–68, fig. 1, 3–6; 2008), а также с панцирями, изображенными в скульптуре из Халчаяна в Северной Бактрии (*Пугаченкова*, 1966. С. 39–40, рис. 9, 10; *Горелик*, 1982. С. 82–84, табл. 1, а, б; 1987. С. 119, рис. 2/7). Это, в свою очередь, позволяет предположить, что данная шерстяная ткань с вышивкой была, скорее всего, изготовлена в одной из областей Северо-Западной Индии, где было сильно индо-сакское политическое и культурное влияние, но в любом случае вряд ли в пределах той территории, откуда саки пришли в Индию (то есть в степном ареале между Каспийским морем и горами Памира и Тянь-Шаня).

Рис. 5. Кельто-римские «рогатые» седла в римском искусстве, вещественных находках и современных реконструкциях: 1, 2 — изображения кельтских лошадей на каменных рельефах Мавзолея Юлиев в Глануме (Франция), ок. 30–20 гг. до н. э. (*Bishop*, 1988. Fig. 19, 11, 13); 3–5 — изображения римских кавалеристов на каменных надгробиях I в. н. э. из римской Германии (*Junkelmann*, 1992. Abb. 46; *Bishop*, 1988. Fig. 1; *Connolly*, 1986. Fig. 11, 1); 6 — фрагмент кожаной облицовки седла из Виндоланды (Англия), конец I — начало II в. н. э. (*Driel-Murray et al.*, 2004. Fig. 4, E); 7–10 — комплект из четырех бронзовых накладок-усилителей для седельных «рогов» (7, 8 — передние, 9, 10 — задние) из Ньюстеда (Шотландия), конец I–II в. н. э. (*Connolly*, *Driel-Murray*, 1991. Fig. 7); 11, 12 — два «рога» от седла, найденные в 2018 г. в конюшне пригородной виллы близ Помпей (Италия), 79 г. н. э. (*Любимова*, 2019. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://ancientrome.ru/archaeol/img/0976-20.jpg> (дата обращения: 11.12.2019)); 13а, 13б — дубовая передняя часть («лука») каркаса седла из Карлайла (Англия) и ее реконструкция, между 72/73 и 83/84 гг. н. э. (*Howard-Davis*, 2009. Fig. 491); 14 — реконструкция деревянного каркаса седла по П. Коннолли (*Junkelmann*, 1992. Abb. 45); 15 — внешний вид римского кавалеристского седла, реконструированного П. Коннолли (*Connolly*, 1986. Fig. 11, 7, 8); 16 — реконструкция римской конской сбруи периода династии Флавиев (69–96 гг. н. э.) (*Bishop*, 1988. Fig. 30). 1–6, 11, 12, 13б–16 — без масштаба

Fig. 5. Celto-Roman “horned” saddles in Roman art, material finds and modern reconstructions: 1, 2 — representations of Celtic horses on stone reliefs of the Julii Mausoleum at Glanum (France), ca. 30–20 BC (*Bishop*, 1988. Fig. 19, 11, 13); 3–5 — representations of Roman cavalrymen on funerary monuments of the 1st century AD from Roman Germania (*Junkelmann*, 1992. Abb. 46; *Bishop*, 1988. Fig. 1; *Connolly*, 1986. Fig. 11, 1); 6 — fragment of a leather casing from Vindolanda (England), late 1st — early 2nd century AD (*Driel-Murray et al.*, 2004. Fig. 4, E); 7–10 — set of four bronze covers-stiffeners for saddle “horns” (7, 8 — frontal, 9, 10 — rear) from Newstead (Scotland), late 1st — 2nd century AD (*Connolly*, *Driel-Murray*, 1991. Fig. 7); 11, 12 — two saddle “horns” uncovered in 2018 in the stable of a country villa near Pompeii (Italy), AD 79 (*Любимова*, 2019. [Electronic resource.] Access mode: <http://ancientrome.ru/archaeol/img/0976-20.jpg> (access date: 11.12.2019)); 13a, 13b — oak front part (“arch”) of a saddle framework from Carlisle (England) and its reconstruction, between AD 72/73 and 83/84 (*Howard-Davis*, 2009. Fig. 491); 14 — reconstruction of the saddle wooden framework according to P. Connolly (*Junkelmann*, 1992. Abb. 45); 15 — external views of the Roman cavalry saddle reconstructed by P. Connolly (*Connolly*, 1986. Fig. 11, 7, 8); 16 — reconstruction of Roman horse harness of the Flavian period (AD 69–96) (*Bishop*, 1988. Fig. 30). 1–6, 11, 12, 13b–16 — not to scale

— терракотовые фигурки лошадей из крепости Дура-Европос на Евфрате (Downey, 2003. P. 136–138, 148, 154, 165–166, fig. 82, 88, 104, cat. no. 89, 93, 102) (рис. 6, 10);

— всадник на рельефе из Нагарджунаконды (Longhurst, 1938/1999. P. 33, pl. XXXIII, b; Тюляев, 1988. Ил. 206) (рис. 6, 11);

Если это так, то именно саки познакомили индийцев с седлами «рогатого» типа, распространение которых вплоть до Южной Индии зафиксировано на одном из рельефов с буддийской тематикой в Нагарджунаконде (см. наш рис. 6, 11). Интересно, что из развалин дворцового комплекса в Нагарджунаконде происходят два рельефа с изображениями стражника и виночерпия в иранском обличье (в одежде в виде длинной туники и штанов, с бородой и длинными волосами), из чего был сделан достаточно обоснованный вывод, что на службе местных государей во II–III вв. н. э. состояли индо-сакские наемники (Longhurst, 1938/1999. P. 11, 24, pl. X, c; Rosenfield, 1967. P. 168–169, 224, fig. 157, 158).

— конный сасанидский шахиншах Шапур I в сцене его триумфа над римлянами на уникальной золотой монете (Aram et al., 2007; ср.: Shavarebi, 2014): важно отметить, что это одно из редких для сасанидской иконографии изображений, где показаны не только передние, но и задние «рога» седла (рис. 6, 13), — последние на большинстве других памятников обычно скрыты под одеяниями всадников;

— терракотовая статуэтка коня с седлом из Сирии (АО 25918), хранящаяся в Отделе восточных древностей Лувра в Париже (Downey, 2003. Fig. IX) (рис. 7, 1a, 1b);

— конная охота на тигров сасанидского правителя Кушаншахра (территории бывшего Кушанского государства) на серебряном блюде из японского частного собрания (Tanabe, 1998. Fig. 1; 2001. Col. p. I, fig. 5) (рис. 7, 2).

Кроме перечисленных есть еще как минимум два произведения древнего искусства из

Рис. 6. Изображения «рогатых» седел на памятниках искусства I в. до н. э. — III в. н. э. из Центральной Евразии и Индии: 1 — фрагмент терракотовой статуэтки из Месджед-е Сулейман (Иран), парфянский период (Herrmann, 1989. Fig. 7, b); 2 — барельеф из храма Баалшамина в Си, Авран (Сирия), ок. 30 г. н. э. (Ibid. Fig. 7, c); 3 — реверс серебряного денария Квинта Лабиена, ок. 40 г. до н. э. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://www.parthia.com/coins/pdc_43007.jpg (дата обращения: 01.06.2021); 4, 5 — детали декора серебряного сосуда, найденного в Косике (Астраханская область, Россия), вторая половина I в. до н. э. (прорисовки В. К. Гугуева) (Gall, 1998. Abb. 2, 3; 3, rechts); 6 — граффито из Старой Нисы (Туркменистан), I в. до н. э. (Пилипко, 1996. Табл. 45, 1); 7 — терракотовая фигурка из могильника ал-Хаджар (Бахрейн), I в. до н. э. — I в. н. э. (Lombard, 2000. P. 192, cat. no. 341); 8 — терракота из Музея исламского искусства в Берлине, I–III вв. н. э. (Herrmann, 1989. Pl. V, a); 9 — фрагмент шерстяной ткани с вышивкой из кургана 31 могильника Ноин-Ула (Монголия), конец I в. до н. э. — начало I в. н. э. (Полосьмак, 2010. С. 53); 10 — терракота из Дура-Европос (Сирия), предположительно первая половина III в. н. э. (Downey, 2003. Fig. 104); 11 — деталь каменного рельефа из Нагарджунаконды (Индия), II или III в. н. э. (Тюляев, 1988. Ил. 206); 12 — деталь сасанидского наскального рельефа Танг-е Аб I в Фирузабаде (Иран), ок. 225 г. (Herrmann, 1989. Pl. XIV, a); 13 — реверс двойного динара Шапура I из частной коллекции, 260-е гг. (Aram et al., 2007. Fig. 18); 14 — деталь сасанидского наскального рельефа Бишапур VI в Бишапуре (Иран), ок. 293 г. (Herrmann, 1989. Fig. 7, e). Без масштаба

Fig. 6. Representations of “horned” saddles on works of art of the 1st century BC — 3rd century AD from Central Eurasia and India: 1 — terracotta figurine fragment from Masjid-e Solaiman (Iran), Parthian period (Herrmann, 1989. Fig. 7, b); 2 — bas-relief from the Temple of Baalshamin at Sia, Hauran (Syria), ca. AD 30 (Ibid. Fig. 7, c); 3 — reverse of Quintus Labienus’ silver denarius, ca. 40 BC. [Electronic resource.] Access mode: https://www.parthia.com/coins/pdc_43007.jpg (access date: 01.06.2021); 4, 5 — decoration details of a silver vessel found in Kosika (Astrakhan region, Russia), second half of the 1st century BC (drawings by V. K. Guguev) (Gall, 1998. Abb. 2, 3; 3, rechts); 6 — graffito from Old Nisa (Turkmenistan), 1st century BC (Пилипко, 1996. Табл. 45, 1); 7 — terracotta figurine from the Al-Hajjar necropolis (Bahrain), 1st century BC — 1st century AD (Lombard, 2000. P. 192, cat. no. 341); 8 — terracotta from the Museum für Islamische Kunst in Berlin, 1st — 3rd centuries AD (Herrmann, 1989. Pl. V, a); 9 — fragment of a woolen embroidered fabric from Barrow 31 of the Noin-Ula burial ground (Mongolia), late 1st century BC — early 1st century AD (Полосьмак, 2010. С. 53); 10 — terracotta from Dura-Europos (Syria), presumably the first half of the 3rd century AD (Downey, 2003. Fig. 104); 11 — detail of a stone relief from Nagarjunakonda (India), 2nd or 3rd century AD (Тюляев, 1988. Ил. 206); 12 — detail of the Sasanian rock relief Tang-e Ab I at Firuzabad (Iran), ca. 225 (Herrmann, 1989. Pl. XIV, a); 13 — reverse of Shapur I’s double dinar from a private collection, 260s (Aram et al., 2007. Fig. 18); 14 — detail of the Sasanian rock relief Bishapur VI at Bishapur (Iran), ca. 293 (Herrmann, 1989. Fig. 7, e). Not to scale

1a

16

2

3a

36

Рис. 7. Памятники сирийского, кушано-сасанидского и боспорского искусства: *1a, 1b* — терракота из коллекции Лувра, парфянский или раннесасанидский период. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://carteles.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010126313> (дата обращения: 15.06.2021); *2* — деталь изображения на серебряном кушано-сасанидском блюде из частной коллекции (Япония), ок. 245–270 гг. (*Tanabe*, 2001. Col. p. I); *3a, 3b* — средний и нижний рельефы надгробия Афения из Керчи, I в. н. э., фото и прорисовка (*Десятчиков*, 1972. Рис. 1, 2). *2, 3a, 3b* — без масштаба

Fig. 7. Works of Syrian, Kushano-Sasanian and Bosphoran art: *1a, 1b* — terracotta from the Louvre collection, Parthian or early Sasanian period. [Electronic resource.] Access mode: <https://carteles.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010126313> (access date: 15.06.2021); *2* — detail of the representation on a silver Kushano-Sasanian plate from a private collection (Japan), ca. 245–270 (*Tanabe*, 2001. Col. p. I); *3a, 3b* — middle and lower reliefs of Athenios' gravestone from Kerch, 1st century AD, photo and drawing (*Десятчиков*, 1972. Рис. 1, 2). *2, 3a, 3b* — not to scale

Центральной Евразии, на которых исследователи видят седла рассматриваемого вида. Так, выдающийся французский археолог-иранист Р. Гиршман еще задолго до работ П. Коннолли и Дж. Херрманн обратил внимание на «рогатые» (если пользоваться нынешней терминологией) седла и предположил, что именно такое седло изображено на фрагменте керамической фляги из Кой-Крылган-калы (рис. 1, 4), которое, по его мнению, принадлежит к тому же самому типу, что и седла на терракоте из Месджед-е Сулейман в Элимаиде (рис. 6, 1) и рельефе из храма Баалшамина в Си (рис. 6, 2) (*Ghirshman*, 1973. P. 102–103). Правда, на доступных нам фотографиях и рисунках упомянутого керамического фрагмента из Кой-Крылган-калы наличие там «рогатого» седла не кажется очевидным, поэтому мы надеемся в будущем разыскать этот артефакт, чтобы *de visu* проверить наблюдение Р. Гиршмана, которое по понятным причинам чрезвычайно интересно для нас самих.

А. К. Амброз, видный отечественный специалист в области раннесредневековых древностей Евразии, высказал мнение, что на стеле Афения, сына Мены, найденной в Керчи (Восточный Крым), у всадника, занимающего центральное место на ее среднем и нижнем регистрах, видны округлые языковидные выступы седла, охватывающие спереди его бедро чуть ниже пояса — точно так же, как это показано на раннесасанидских рельефах и блюдах (*Амброз*, 1992. С. 36, табл. VII, 13, 14, 16, 17). Такие передние выступы-упоры седел действительно хорошо различимы на многих сасанидских памятниках (см., например, рис. 6, 12; 7, 2), однако имеющиеся в нашем распоряжении воспроизведение и прорисовка рельефов надгробия Афения (*Десятчиков*, 1972. Рис. 1–3; *Трейстер*, 2010. Рис. 10, 3) (рис. 7, 3a, 3b) все же не позволяют достоверно разглядеть там «рога» седла. К сожалению, нынешнее местонахождение этой

стелы, обнаруженной на горе Митридат в 1892 г. и затем какое-то время хранившейся в Царском кургане в Керчи, неизвестно (*Трейстер*, 2010. С. 535, кат. № 12).

В западной научной литературе седла «рогатого» типа часто называются кельто-римскими (или римско-кельтскими), что и понятно, поскольку они первоначально были выделены по иконографическим и вещественным материалам, происходящим с римского Запада. Поэтому неудивительно, что иногда эти седла считают изобретением кельтов (галлов), у которых они были заимствованы римлянами (*Hyland*, 1990. P. 133; *Connolly*, 1998. P. 235, 236; *Feugère*, 2002. P. 84, 134, 136; ср.: *Bishop*, 1988. P. 116; 2015. P. 381). Впрочем, Дж. Херрманн в самом конце 1980-х гг. резонно предположила, что толчком к появлению «рогатых» седел «несомненно, должно было стать введение тяжелой кавалерии ... к началу парфянского периода» (*Herrmann*, 1989. P. 764), после чего наметилась явная тенденция связывать их происхождение со всадническими народами Центральной Азии (*James*, 1993. P. 79; *Allen*, 2001. P. 61; 2007. P. 131–132; *Никоноров*, 2002б. С. 22; 2002в. С. 97; *Gawronski*, 2005. P. 32, 34; *Grotowski*, 2010. P. 383). Однако этот вывод базировался больше на логических предположениях, чем на реальных материалах. Теперь же, благодаря рассмотренным находкам терракот из Южного Приаралья и, в первую очередь, той конской фигурке из Кой-Крылган-калы, которая надежно датируется IV–III вв. до н. э. (рис. 3, 1a, 1b; 4, 1), он получил и необходимое материальное подтверждение, к тому же сужающее границы территории предполагаемого изобретения жестких седел «рогатого» типа. Исходя из этих данных мы можем с достаточной долей уверенности утверждать, что в период раннего эллинизма этот важнейший элемент снаряжения воинов катафрактной кавалерии был

разработан и внедрен в практику военного дела в землях Южного Приаралья и уже оттуда с течением времени распространился по античному миру. Этот вполне обоснованный вывод, в свою очередь, является серьезным дополнительным аргументом в поддержку мнения, которое столь

прозорливо (скорее интуитивно) высказал С. П. Толстов еще в 1948 г., хотя он и основывался тогда на очень ограниченном археологическом материале: родину катафрактов следует искать в пределах Хорезма и его обширной скотоводческой периферии.

Алексеев, 2012 — Алексеев А. Ю. Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. 272 с.

Амброз, 1992 — Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. М., 1992. № 1. С. 6–108.

Аржанцева, 2016 — Аржанцева И. А. Хорезм. История открытий и исследований по материалам архива Хорезмской экспедиции. Этнографический альбом. Ульяновск: Артишок, 2016. 288 с., 48 цв. ил.

Ахметжан, Ахметжанова, 2013 — Ахметжан К. С., Ахметжанова Р. А. Опыт реконструкции седла из кургана № 11 могильника Берел // Тр. филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Астана, 2013. Т. 2. С. 186–195.

Берзина, 2010 — Берзина С. Я. Древние геммы Востока. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 208 с.

Болелов, 2004 — Болелов С. Б. Керамика // Калалы-гыр 2: Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2004. С. 93–147.

Вайнберг, 1977 — Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 194 с., 31 табл.

Вайнберг, 1991 — Вайнберг Б. И. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-ых — 80-ых годах // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье). Сб. 1 / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991. С. 5–109.

Вайнберг, 1992 — Вайнберг Б. И. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах). С. 116–122, 344, 394–396.

Вайнберг, 1999 — Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. — VIII в. н. э. М.:

Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 360 с.

Вайнберг, 2004 — Вайнберг Б. И. Реконструкция верований древних хорезмийцев по археологическим материалам // Калалы-гыр 2: Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2004. С. 213–236.

Вайнберг, Левина, 1992 — Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах). С. 47–61, 342, 356–364.

Вайнберг, Левина, 1993 — Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикратская культура. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993 (Низовья Сырдарьи в древности; Вып. 1). 130 с., 85 рис.

Воробьева, 1959 — Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // Тр. ХАЭЭ. 1959. Т. IV. С. 63–220.

Воробьева, 1967а — Воробьева М. Г. Керамика // Тр. ХАЭЭ. 1967. Т. V. С. 102–131, 314–330.

Воробьева, 1967б — Воробьева М. Г. Памятники искусства. I. Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки // Тр. ХАЭЭ. 1967. Т. V. С. 173–214, 338–346.

Воробьева, 1981 — Воробьева М. Г. Хорезмские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма / Редколлегия: М. А. Итина, Ю. А. Рапопорт, Н. С. Сычева, Б. И. Вайнберг. М.: Наука, ГВРЛ, 1981. С. 184–194.

Гаилов, Кошеленко, 2013 — Гаилов В. А., Кошеленко Г. А. От Хорезма до Боспора: о «сарматской» посадке всадников // ПИФК. 2013. № 2. С. 286–296.

Галль, 1997 — Галль Х. фон. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (Истоки и восприятие одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. 1997. № 2. С. 174–198.

Горелик, 1971 — Горелик М. В. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластинке из Геремесова кургана // СА. 1971. № 3. С. 236–245.

- Горелик, 1982 — Горелик М. В. Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 82–112.
- Горелик, 1987 — Горелик М. В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский, Г. М. Бонгард-Левин. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 110–133, 367–373.
- Даркевич, 1976 — Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 200 с.
- Десятчиков, 1972 — Десятчиков Ю. М. Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4. С. 68–77.
- Левина, 1966 — Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Н. А. Кисляков, М. Г. Воробьева. М.: Наука, 1966. С. 45–90.
- Левина, 1992 — Левина Л. М. Памятники джеты-асарской культуры середины I тысячелетия до н. э. — середины I тысячелетия н. э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах). С. 61–72, 342–343, 365–375.
- Левина, 1994 — Левина Л. М. Джетыасарская культура. Ч. 3–4: Могильники Алтынасар 4. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994 (Низовья Сырдарьи в древности; Вып. 4). 312 с.
- Левина, 1996 — Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 398 с., 48 ил.
- Литвинский, 1998 — Литвинский Б. А. Читая «Древний Хорезм» (воспоминания юности) // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / Отв. ред. Е. Е. Неразик. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 22–27.
- Литвинский, Пьянков, 1966 — Литвинский Б. А., Пьянков И. В. Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1966. № 3. С. 36–52.
- Ломбар, Боксматти-Фатух, 2012а — Ломбар П., Боксматти-Фатух Н. Тилос. Путешествие в загробный мир. Ритуалы и погребальные традиции в Бахрейне в I веке до н. э. — III веке н. э. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. 24 с.
- Ломбар, Боксматти-Фатух, 2012б — Ломбар П., Боксматти-Фатух Н. Тилос. Путешествие в загробный мир. Ритуалы и погребальные традиции на Бахрейне (II в. до н. э. — III в. н. э.). М.: ГИИ, 2012. 52 с. = Lombard P., Boksmati-Fattouh N. Tylos. The Journey beyond Life. Rituals and funerary traditions in Bahrain (2nd century BC — 3rd century AD). Moscow: SMOA, 2012. 52 p.
- Любимова, 2019 — Любимова О. В. (пер. с итал.). В конюшне под Помпеями найден третий породистый конь с богатой военной сбруей. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=976&v=print> (дата обращения: 11.12.2019) (итал. оригинал: <http://pompeisites.org/comunicati/scoperto-un-terzo-cavallo-di-razza-con-ricca-bardatura-militare-nella-stalla-di-civita-giuliana/>).
- Мамбетуллаев, 1977 — Мамбетуллаев М. Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-Тепе // СА. 1977. № 3. С. 278–281.
- Мамбетуллаев, 1984 — Мамбетуллаев М. Хумбуз-тепе — керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья. Ташкент, 1984. Вып. 2. С. 21–39.
- Мамбетуллаев, 2003 — Мамбетуллаев М. М. Вооружение и военное дело Хорезма // Археология Приаралья. Нукус, 2003. Вып. VI. С. 21–31.
- Маршак, 2017 — Маршак Б. И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности / Под ред. В. П. Никонорова; вступ. статья Ф. Гренэ. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.
- Мецлер, 2002 — Мецлер Д. Оседланный конь без всадника — религиозный символ парфянской эпохи // Miras. 2002. № 1. С. 108–113.
- Никоноров, 1994 — Никоноров В. П. Среднеазиатские катафрактарии как продукт взаимодействия военных школ Запада и Востока в эпоху раннего эллинизма // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза: Материалы методологического семинара. Памяти Геннадия Николаевича Курочкина посвящается / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1994 (Археологические изыскания; Вып. 13). С. 47–51.
- Никоноров, 1995 — Никоноров В. П. К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А. М. Илюшин. Кемерово: Кемеровский ГУ, 1995. С. 53–61.
- Никоноров, 2002а — Никоноров В. П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВОРАО. НС. Т. I (XXVI). С. 223–323.

- Никоноров, 2002б — Никоноров В. П. К вопросу о седлах парфянской кавалерии // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2002. С. 21–27.
- Никоноров, 2002в — Никоноров В. П. О седлах парфянской конницы // *Miras*. 2002. № 4. С. 97–100.
- Никоноров, 2003 — Никоноров В. П. К вопросу о роли стремян в развитии военного дела // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова / Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. Кн. 2. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. С. 263–267.
- Никоноров, 2007 — Никоноров В. П. «Катафракты» или «катафрактари»? Еще раз по поводу двух обозначений античной панцирной конницы // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2007. С. 66–72.
- Никоноров, 2008 — Никоноров В. П. Вступительное слово // Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. П. Никонорова и А. В. Симоненко. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2008. С. 5–12.
- Никоноров, 2010 — Никоноров В. П. К вопросу о вкладе кочевников Центральной Азии в военное дело античной цивилизации (на примере Ирана) // Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова / Редкол.: И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, Л. Е. Масанова. Алматы: LEM, 2010. С. 43–65.
- Никоноров, 2016 — Никоноров В. П. Стремя младое, незнакомое // Дилетант. М., 2016. № 4. С. 12–17.
- Орбели, Тревер, 1935 — Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л.: Academia, 1935. XLVII с., 85 табл.
- Пилипко, 1996 — Пилипко В. Н. Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М.: Издат. фирма «Восточная литература», 1996. 160 с., 96 табл.
- Полосьмак, 2010 — Полосьмак Н. В. «Мы выпили Сому, мы стали бессмертными...» // Наука из первых рук. Новосибирск, 2010. № 3. С. 50–59.
- Полосьмак, 2013 — Полосьмак Н. В. Фрагмент вышитой завесы из кургана 31 могильника Ноин-Ула // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко / Отв. ред. В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2013. С. 352–365.
- Полосьмак, Богданов, 2015 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Ч. 1. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2015. 136 с.
- Полосьмак, Богданов, 2016 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006–2012 гг. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2016. 176 с.
- Пугаченкова, 1966 — Пугаченкова Г. А. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского войска // ВДИ. 1966. № 2. С. 27–43.
- Разин, 1955 — Разин Е. А. История военного искусства. Т. I: Военное искусство рабовладельческого периода войны. М.: Военное изд-во Мин-ва обороны СССР, 1955. LXII, 560 с.
- Рапопорт, 1977 — Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура) / Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М.: Наука, ГВРЛ, 1977. С. 58–71.
- Симоненко, 2015 — Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. 2-е изд., испр. и доп. Киев: Издатель Олег Филук, 2015. 466 с.
- Степанова, 2015 — Степанова Е. В. Седла гунно-сарматского времени // Тр. Гос. Эрмитажа. СПб., 2015. Т. 77. С. 389–425.
- Степанова, 2016 — Степанова Е. В. Реконструкция скифского седла из Пазырыкского кургана 3 // Алтай в кругу евразийских древностей / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 306–336.
- Толстов, 1948 — Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 353 с., 87 табл.
- Толстов, 1961 — Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм (к истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи) // СЭ. 1961. № 4. С. 114–146.
- Толстов, 1962 — Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 324 с.
- Трейстер, 1994 — Трейстер М. Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1. С. 172–203.
- Трейстер, 2010 — Трейстер М. Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // Древности Боспора. М., 2010. Т. 14. С. 484–561.
- Трудновская, 1963 — Трудновская С. А. Крутое погребальное сооружение на городище Чирик-

- Рабат // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1963. Вып. 6. С. 201–213.
- Тюляев, 1988 — Тюляев С. И. Искусство Индии. III–е тысячелетие до н. э. — VII век н. э. М.: Искусство, 1988. 344 с.
- Хазанов, 1968 — Хазанов А. М. Катафрактерии и их роль в истории военного искусства // ВДИ. 1968. № 1. С. 180–191.
- Хазанов, 2008 — Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. П. Никонорова и А. В. Симоненко. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2008. 294 с.
- Черненко, 1971 — Черненко Е. В. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии / Отв. ред. П. Д. Либеров и В. И. Гуляев. М.: Наука, 1971 (МИА; № 177). С. 35–38.
- Черненко, 1984а — Черненко Е. В. Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 59–75.
- Черненко, 1984б — Черненко Е. В. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой, В. Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 231–235.
- Шульга, 2007 — Шульга П. И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского ГУ, 2007. С. 142–156.
- Яблонский, 1999 — Яблонский Л. Т. Некрополи древнего Хорезма (Археология и антропология могильников). М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 327 с.
- Яблонский, 2013 — Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.
- Яблонский, 2015 — Яблонский Л. Т. Система вооружения элитного воина IV в. до н. э. на востоке скифской ойкумены (древнейшие катафрактерии Евразии?) // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы Междунар. науч. конф., посв. памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов на/Д.: Изд-во Южного НЦ РАН, 2015. С. 216–223.
- Ягодин и др., 1985 — Ягодин В. Н., Никитин А. Б., Кошеленко Г. А. Хорезм // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1985 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах). С. 317–337, 442–454.
- Allen, 2001 — Allen S. Celtic Warrior, 300 B.C. — A.D. 100. Oxford: Osprey Publishing, 2001 (Osprey Military Warrior Series; 30). 64 p.
- Allen, 2007 — Allen S. Lords of Battle: The World of the Celtic Warrior. Oxford; New York: Osprey Publishing, 2007. 224 p.
- Alram et al., 2007 — Alram M., Blet-Lemarquand M., Skjærvø P. O. Shapur, King of Kings of Iranians and non-Iranians // Res Orientales. Bures-sur-Yvette, 2007. Vol. XVII. P. 11–40.
- Bishop, 1988 — Bishop M. C. Cavalry equipment of the Roman army in the first century A.D. // Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers: Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference / Ed. J. C. Coulston. Oxford: B.A.R., 1988 (BAR. IS; 394). P. 67–195.
- Bishop, 2015 — Bishop M. C. Equine Equipment // The Encyclopedia of the Roman Army. Vol. 2: Eas — Pol / Gen. ed. Y. Le Bohec. Malden; Oxford; Chichester: Wiley Blackwell, 2015. P. 378–382.
- Bishop, Coulston, 2006 — Bishop M. C., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. 2nd ed. Oxford: Oxbow Books, 2006. XIV, 321 p., 8 pl.
- Bopearachchi, 2003 — Bopearachchi O. An Indo-Greek and Indo-Scythian Coin Hoard from Bara (Pakistan). Seattle: Amir Nawaz Khan, 2003. 105 p., 31 pl.
- Bopearachchi, Sachs, 2003 — Bopearachchi O., Sachs C. Armures et armes des Indo-Scythes d'après leurs émissions monétaires et les données archéologiques // Topoi. Orient — Occident. Lyon, 2003. Vol. 11/1 (2001). P. 321–355.
- Connolly, 1986 — Connolly P. A Reconstruction of a Roman Saddle // Britannia. 1986. Vol. 17. P. 353–355.
- Connolly, 1987 — Connolly P. The Roman Saddle // Roman Military Equipment: the Accoutrements of War: Proceedings of the Third Roman Military Equipment Research Seminar / Ed. M. Dawson. Oxford: B.A.R., 1987 (BAR. IS; 336). P. 7–27.
- Connolly, 1988a — Connolly P. Experiments with the Roman Saddle // Exercitus: The Bulletin of the Ermine Street Guard. London, 1988. Vol. 2, no. 5. P. 71–76.
- Connolly, 1988b — Connolly P. Experiments with the Roman Saddle // Military Illustrated. London, 1988. No. 13. P. 26–32.
- Connolly, 1990 — Connolly P. The saddle horns from Newstead // JRMES. 1990. Vol. 1. P. 61–66.

- Connolly, 1998 — Connolly P. Greece and Rome at War. New and rev. ed. London: Greenhill Books; Mechanicsburg: Stackpole Books, 1998. 320 p.
- Connolly, 2000 — Connolly P. Experiments with the *sarissa* — the Macedonian pike and cavalry lance — a functional view // JRMES. 2000. Vol. 11. P. 103–112.
- Connolly, Driel-Murray, 1991 — Connolly P., Driel-Murray C. van. The Roman Cavalry Saddle // Britannia. 1991. Vol. 22. P. 33–50.
- Conyard, 2013 — Conyard J. Recreating the Late Roman Army // War and Warfare in Late Antiquity: Current Perspectives. Vol. 2 / Eds. A. Sarantis, N. Christie. Leiden; Boston, 2013 (Late Antique Archaeology; Vol. 8.2 — 2011). P. 523–567.
- Dixon, Southern, 1997 — Dixon K. R., Southern P. The Roman Cavalry: From the First to the Third Century A.D. London; New York: Routledge, 1997. 256 p., 35 pl.
- Downey, 2003 — Downey S. B. Terracotta Figurines and Plaques from Dura-Europos. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. XVII, 220 p.; XI, 149 fig.; 31 dr.
- Driel-Murray et al., 2004 — Driel-Murray C. van, Connolly P., Duckham J. Roman Saddles: Archaeology and Experiment 20 Years on // In the Saddle: An exploration of the saddle through history. A Meeting of the Archaeological Leather Group at Saddlers' Hall, London, 23 October 2002 / Ed. L. Gilmor. London: Archetype Publications, 2004. P. 1–19.
- Feugère, 2002 — Feugère M. Weapons of the Romans / Transl. from the French by D. G. Smith. Stroud; Charleston: Tempus, 2002. 224 p.
- Fröhlich, 2005 — Fröhlich C. La représentation du roi cavalier sur les monnaies indo-scythes et indo-parthes: une approche numismatique // Revue Numismatique. Paris, 2005. Vol. 161. P. 59–78.
- Fröhlich, 2008 — Fröhlich C. Monnaies indo-scythes et indo-parthes du Département des monnaies, médailles et antiques: Catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2008. 158 p., 29 pl.
- Gall, 1998 — Gall H. von. Die Reiterkampfszene auf der Silbervase von Kosika. Ursprünge und Rezeption eines iranischen Motivs in Südrussland // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin, 1998. Bd. 29 (1997). S. 243–269.
- Gawroński, 2005 — Gawroński R. A. Some Remarks on the Origins and Construction of the Roman Military Saddle // Archeologia: Rocznik Instytutu Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 2005. T. LV (2004). P. 31–40.
- Ghirshman, 1973 — Ghirshman R. La selle en Iran // IA. 1973. Vol. X. P. 94–107.
- Gresak et al., 2018 — Gresak V., Cernekova M., Winterbottom S. Reconstructing a Gallo-Roman riding saddle // JRMES. 2018. Vol. 19. P. 207–215.
- Grotowski, 2010 — Grotowski P. L. Arms and Armour of the Warrior Saints: Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261). Leiden; Boston: Brill, 2010 (The Medieval Mediterranean: Peoples, Economies and Cultures, 400–1500; Vol. 87). XXV, 483 p., 182 figs.
- Herrmann, 1989 — Herrmann G. Parthian and Sasanian Saddlery. New Light from the Roman West // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Vol. 2 / Ed. cur. L. de Meyer et E. Haerincx. Gent: Peeters Press, 1989. P. 757–809.
- Hersh, 1980 — Hersh Ch. The coinage of Quintus Labienus Parthicus // Schweizerische numismatische Rundschau = Revue suisse de Numismatique = Rivista svizzera di numismatica. Bern, 1980. Bd. 59. S. 41–49.
- Howard-Davis, 2009 — Howard-Davis Chr. The Wooden Artefacts // Howard-Davis Chr. The Carlisle Millennium Project: Excavations in Carlisle, 1998–2001. Vol. 2: The Finds / With contributions by A. Bates, M. Bishop, P. Booth et al. Lancaster: Oxford Archaeology North, 2009 (Lancaster Imprints; 15). P. 805–816.
- Hyland, 1990 — Hyland A. Equus: the Horse in the Roman World. New Haven; London: Yale University Press, 1990. XIII, 285 p., 31 pl.
- Hyland, 1993 — Hyland A. Training the Roman Cavalry. From Arrian's *Ars Tactica*. London: Grange Books, 1993. XIV, 197 p.
- Hyland, 2013 — Hyland A. War and the Horse // The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World / Eds. B. Campbell, L. A. Tritle. New York: Oxford University Press, 2013. P. 493–526.
- James, 1993 — James S. Exploring the World of the Celts. London: Thames and Hudson, 1993. 192 p.
- Junkelmann, 1992 — Junkelmann M. Die Reiter Roms. T. 3: Zubehör, Reitweise, Bewaffnung. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1992 (Kulturgeschichte der Antiken Welt; Bd. 53). 277 S.
- Littauer, 1981 — Littauer M. A. Early stirrups // Antiquity: A periodical review of archaeology... Gloucester, 1981. Vol. LV (No. 214). P. 99–105.
- Loades, 2020 — Loades M. Scythian archery // Masters of the Steppe: the Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia: Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017 / Eds. S. V. Pankova, St J. Simpson. Oxford: Archaeopress Publishing, 2020. P. 258–267.
- Lombard, 2000 — Lombard P. [The Tylos Culture (300 BC — 600 AD):] Stone, Plaster and Terracotta

- Sculpture // *Traces of Paradise. The Archaeology of Bahrain, 2500 BC — 300 AD: an Exhibition at the Brunei Gallery, Thornhaugh Street, London WC1 (12 July — 15 September 2000)* / Eds. H. Crawford, M. Rice. London: Dilmun Committee, 2000. P. 190–202.
- Longhurst, 1938/1999 — Longhurst A. H. *The Buddhist Antiquities of Nāgārjunakoṇḍa*, Madras Presidency. Janpath, New Delhi: Archaeological Survey of India; Government of India, 1999 (Memoirs of the Archaeological Survey of India; No. 54). IV, 67 p., 50 pl. (Reprint of the original edition 1938).
- Metzler, 1978 — Metzler D. *Das Pferd auf den Münzen des Labienus — ein Mithras-Symbol* // *Studien zur Religion und Kultur Kleinasiens: Festschrift für Friedrich Karl Dörner zum 65. Geburtstag am 28. Februar 1976*. Bd. 2 / Hrsg. S. Şahin, E. Schwertheim, J. Wagner. Leiden: E. J. Brill, 1978 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain; T. 66/2). S. 619–638.
- Mielczarek, 1993 — Mielczarek M. *Cataphracti and Clibanarii. Studies on the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World*. Łódź: Oficyna Naukowa MS, 1993 (Studies on the History of Ancient and Medieval Art of Warfare; Vol. 1). 145 p.
- Nikonov, 1997 — Nikonov V. P. *The Armies of Bactria, 700 BC — 450 AD*. Vol. 1–2. Stockport: Montvert Publications, 1997. 143 p.
- Nikonov, 1998 — Nikonov V. P. *Cataphracti, Catafractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of Their Identifications* // *Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Междунар. конф. (2–5 сентября 1998 г.)* / Отв. ред. Г. В. Вилинбахов, В. М. Массон. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. P. 131–138.
- Nikonov, 2010 — Nikonov V. P. “Like a Certain Tornado of Peoples”: Warfare of the European Huns in the Light of Graeco-Latin Literary Tradition // *Anabasis*. Rzeszów, 2010. Vol. 1. P. 264–291.
- Peterson, 1990 — Peterson D. *Limesritt 90: Continuing Experiments with the Roman Saddle* // *Arma: Newsletter of the Roman Military Equipment Conference*. Ryton (Tyne and Wear), 1990. Vol. 2, no. 2. P. 19–21.
- Polos'mak, 2015 — Polos'mak N. V. *Nouvelles découvertes de tentures polychromes brodées du début de notre ère dans les tumuli n° 20 et n° 31 de Noin-Ula (République de Mongolie)* // *Arts Asiatiques*. Paris, 2015. T. 70. P. 3–32.
- Rosenfield, 1967 — Rosenfield J. M. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press; London: Cambridge University Press, 1967 (California Studies in the History of Art; VI). XLIV, 377 p., 16 pl., 167 fig.
- Rubin, 1955 — Rubin B. *Die Entstehung der Kataphraktenreiterei im Lichte der chorezmischen Ausgrabungen* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Wiesbaden, 1955. Bd. 4, Ht. 2/3. S. 264–283.
- Shavarebi, 2014 — Shavarebi E. *Some Remarks on a Newly-Discovered Coin Type of Shāpūr I* // *Studia Iranica*. Paris, 2014. T. 43, fasc. 2. P. 281–290.
- Stepanova, 2016 — Stepanova E. V. *Reconstruction of a Scythian Saddle from Pazyryk Barrow № 3* // *The Silk Road*. Saratoga, 2016. Vol. 14. P. 1–18.
- Stepanova, 2020 — Stepanova E. V. *Saddles of the Hun-Sarmatian period* // *Masters of the Steppe: the Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia: Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017* / Eds. S. V. Pankova, St J. Simpson. Oxford: Archaeopress Publishing, 2020. P. 561–587.
- Stephenson, Dixon, 2003 — Stephenson I. P., Dixon K. R. *Roman Cavalry Equipment*. Stroud: Tempus, 2003. 127 p.
- Tanabe, 1998 — Tanabe K. *A Newly Located Kushano-Sasanian Silver Plate: The Origin of the Royal Hunt on Horseback for Two Male Lions on “Sasanian” Silver Plates* // *The Art and Archaeology of Ancient Persia: New Light on the Parthian and Sasanian Empires* / Eds. V. S. Curtis, R. Hillenbrand, J. M. Rogers. London; New York: I. B. Tauris in association with the British Institute of Persian Studies, 1998. P. 93–102.
- Tanabe, 2001 — Tanabe K. *A Kushano-Sasanian Silver Plate and Central Asian Tigers* // *SRAA*. 2001. Vol. 7. P. 167–186.
- Tarn, 1930 — Tarn W. W. *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. VII, 170 p.
- Tolstov, 1961 — Tolstov S. P. *Les Scythes d'Aral et le Khorezm* // *IA*. 1961. Vol. I. P. 42–92.
- Treister, 1997 — Treister M. Yu. *New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st Century A.D. A Survey of Publications in VDI* // *ACSS*. 1997. Vol. 4, no. 1. P. 35–100.
- Treister, 2005 — Treister M. Yu. *On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and once more on the “Ampsalakos School”* // *ACSS*. 2005. Vol. 11, no. 3–4. P. 199–255.
- Voyevodsky, 1938 — Voyevodsky M. *A Summary Report of a Khvarizm Expedition* // *Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology*. New York, 1938. Vol. 5, no. 3. P. 235–244.
- Winterbottom, 2006 — Winterbottom S. *On the fringes of empire: recent finds of saddle leather from Carlisle* // *The Archaeological Leather Group*. London, 2006. Newsletter 24. P. 7–11.

The history of the earliest rigid-structure saddles in the light of archaeological data from the Southern Aral Sea area

V. P. Nikonorov, I. A. Arzhantseva¹⁴

In the early Hellenistic period, the ancient historic-cultural region of Chorasmia located in the Amu Darya lower reaches, as well as the cattle-raising periphery adjacent to it, inhabited by nomadic and semi-nomadic tribes of the Massagetae, Dahae and Sacae, became the main places where a new type of cavalry troops — the mounted lancers encased together with their horses in full armour, who were called cataphracts (Gr. κατάφρακτοι, Lat. cataphracti) — came into existence. In turn, their appearance gave birth to new combat tactics, viz. the strict tactical cooperation on battlefield between a comparatively small detachment of cataphracts recruited exceptionally from tribal nobles and a much more numerous force of the light-armed horse-archers (Gr. ἵπποτοξόται, Lat. equites sagittarii) consisting of members of ordinary tribal clans. These two innovations were due to the heavy defeats of the nomadic and settled peoples of western Central Asia at the hands of the Macedonian army led by Alexander the Great in BC 329–327. They were initially conceived to be efficient means against so well equipped and trained infantry formations as the Greek-Macedonian phalanx and, subsequently, the Roman legion.

Undoubtedly, one of the most important elements of the cataphract outfit, along with the armour sets for the warrior and his horse, lance and long sword, had surely to be the saddle of rigid (wooden) construction that, unlike any kinds of soft saddle, could provide the heavy-armed rider with a comfortable and safe seat on horseback in the course of fighting with his offensive weapons for middle and close combat. The earliest kind of rigid saddles was the so-called horned saddle consisting of a saddletree with four pommels looking as “horns” — two at the front and two at the back. Importantly, one can see such “horned” saddles on terracotta figurines depicting two horses from the fortified site of Koi-Krylgan-kala in Chorasmia, dated to the 4th–3rd century BC (fig. 3, 1a–2b; 4, 1–3), and two fantastic beasts from the Sakar-chaga 3 burial ground in the Sarykamysch delta of the Amu Darya, dated to the 1st century BC — 3rd century AD (if not earlier) (fig. 3, 3a, 3b; 4, 4–6).

For the first time, the saddles of the type in question were, since 1984 onwards, determined and reconstructed by Peter Connolly on the basis of analyzing the available iconographic and material evidence of the early Roman Imperial era from Western Europe (fig. 5). For this reason, the «horned» saddles have received the name of Celto-Roman in the modern science, which also implies a historic-geographic area of their origin. In 1989, Georgina Herrmann, following Connolly's observations, revealed depictions of “horned” saddles on works of art from Syria and Iran of late Parthian and early Sasanian times (fig. 6, 1, 2, 8, 12, 14). At present, her list of such depictions can be considerably widened by those from various regions, which proved to be unrepresented in it for one reason or another (fig. 6, 3–7, 9–11, 13; 7, 1a–2). It should be emphasized that the aforesaid terracotta figurines from Koi-Krylgan-kala and Sakar-chaga 3, and especially the one reliably dating back to the 4th–3rd centuries BC (Fig. 3, 1a, 1b; 4, 1), allow us to maintain with a high degree of certainty that the rigid saddles of the “horned” type as a very vital element of the cataphract outfit had been developed and introduced into the practice of warfare during the early Hellenistic period in the Southern Aral Sea area and from there spread, with the course of time, throughout the Antique world. This quite grounded inference, in turn, is a serious additional argument in support of the opinion perspicaciously (or rather by intuition) pronounced as far back as 1948 by Sergei P. Tolstov, who had then very limited archaeological material at his disposal, that the homeland of the cataphracts should be sought within the territories of Chorasmia and its spacious cattle-breeding periphery.

¹⁴ Valerii Nikonorov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18, Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vpnikonorov@mail.ru. Irina Arzhantseva — Centre of Classical and Oriental Archaeology of Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics, Center of cross-cultural psychology and human ethology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Leninsky pr., 32a, Moscow, 119017, Russia; arzhantseva@rambler.ru.